

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСЛАМСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ*

¹Турганбаева Ж.Ж., ²Пархатжан И.*

¹Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК (Алматы, Казахстан)

²Алматинская академия МВД имени М. Есбулатова

¹zhanara0890@mail.ru, ²www.isake.kz@mail.ru

¹Turganbayeva Zh., ²Parkhatzhan I.**

¹Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the CS MSHE RK

(Almaty, Kazakhstan)

²M. Yesbulatov Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs

¹zhanara0890@mail.ru, ²www.isake.kz@mail.ru

Аннотация. Статья раскрывает содержание, механизмы и специфику формирования казахстанской исламской идентичности в контексте ее онтологических оснований и феноменологических проявлений. Важность изучения онтологического наполнения исламской идентичности связана со значением, которое имеет определение верующими своего места в мире, а также аксиологических ориентиров исламского мировоззрения, которые задают динамику духовного развития мусульман. Интерес к феноменологическому содержанию исламской идентичности продиктован необходимостью понимания и выявления особенностей индивидуального переживания веры, определяющего внешние религиозные проявления в виде ритуальности и повседневного поведения индивида.

Авторы последовательно решают такие исследовательские задачи, как: определение специфики исламской идентичности в казахстанском обществе через призму историко-культурного контекста, формируемого центрально-азиатскими обществами; изучение онтологического наполнения исламской идентичности посредством раскрытия бытийных оснований ислама; раскрытие феноменологического содержания исламской идентичности и его практического значения в жизни казахстанского общества; рассмотрение исламского радикализма как одну из форм разнообразных феноменологических интерпретаций. В этой связи авторы приходят к выводу, что исламская идентичность является не статичной категорией, а динамичным процессом личностного становления, отражающим как интернациональные переживания, так и поведенческие изменения в индивидууме и обществе в целом.

Ключевые слова: исламская идентичность, казахстанское общество, онтологические основания, феноменологические основания, ислам в Казахстане, Центральная Азия.

Введение

Процесс социокультурной трансформации, наблюдаемой в современном казахстанском обществе, актуализирует проблему формирования идентичности,

* Данное исследование финансировалось Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН АР19174762 «Исламская идентичность в реалиях Казахстана: проблемы межконфессионального диалога и консолидации»).

* Автор корреспондент - Пархатжан И. www.isake.kz@mail.ru

как на личностном, так и на коллективном уровнях. В сложившемся историческом и социокультурном контексте, характеризующемся процессами религиозного возрождения, исламская идентичность проблематизируется как важный элемент духовного самосознания значительной части населения. Ввиду своей полиаспектности: культурный, исторический, социальный и экзистенциальный – исламская идентичность выступает не просто маркером религиозной принадлежности, но многослойным феноменом, определяющим культурную идентичность.

Целью настоящего исследования выступает определение содержания и механизмов формирования исламской идентичности в контексте онтологических оснований и феноменологических проявлений. Цель предполагает последовательное решение следующих исследовательских задач:

- определение специфики исламской идентичности в казахстанском обществе через призму историко-культурного контекста, формируемого центрально-азиатскими обществами;
- изучение онтологического наполнения исламской идентичности посредством раскрытия бытийных оснований ислама;
- раскрытие феноменологического содержания исламской идентичности и его практического значения в жизни казахстанского общества;
- рассмотрение исламского радикализма как одну из форм разнообразных феноменологических интерпретаций.

Актуальность изучения онтологических оснований религии в целом и ислама в частности детерминировано непреходящей важностью таких категорий, как бытие и небытие, идеальное и материальное, воля и предопределение, разрабатываемых в философском и религиоведческом дискурсах. Онтология, позволяющая проявить универсальное и уникальное в любой религиозной картине мира, выступает каркасом, на котором строятся модели межконфессионального взаимодействия, исследование которых представляется необходимым в условиях многонационального, поликультурного общества.

Изучение онтологического наполнения исламской идентичности, предпринятое в данной статье, представляется актуальным, поскольку именно оно способствует определению верующими своего места в мире, формированию содержания исламского мировоззрения, детерминирующего, в свою очередь, духовное развитие мусульман. Исламское мировоззрение детерминирует укоренение аксиологического и смыслового наполнения ислама, составляющих онтологический аспект исламской идентичности. Кроме того, изучение онтологических проблем исламской идентичности имеет практическую ориентированность, поскольку непосредственно затрагивает сферу межконфессиональных отношений.

С позиции феноменологического подхода исламская идентичность рассматривается как индивидуальное переживание веры, предполагающее совокупность восприятия, внешней ритуальности в виде повседневных практик и социальной коммуникации.

Авторы исходят из необходимости понимания процесса формирования, восприятия и трансляции исламской идентичности в условиях национального строительства, модернизации и глобализации, характеризующих процессы развития современного мира и казахстанского общества.

Степень разработанности темы. Проблематизация исламской идентичности разворачивается в поле междисциплинарных исследований, поскольку находится на пересечении религиоведения, социологии, философии и культурологии. Глобальные сдвиги в религиозной парадигме, переосмысление религиозного опыта как одной из форм коллективной идентичности и рост религиозности объясняет научный интерес к данному направлению гуманитарной мысли.

Одним из первых, кто инициировал дискурс религиозной идентичности в контексте социальной динамики, выступает Энтони Гидденс, объясняющий идентичность с позиции ее взаимосвязи с процессами глобализации и рефлексивной модернизации [1]. Религиозная идентичность, согласно Мануэлю Кастельсу, представляет собой форму проявления ответа общества на кризис, вызванный культурной глобализацией [2]. Принимая во внимание выводы названных авторов, отметим, что они объясняют исламскую идентичность как форму стабилизации культурного сознания и укоренения индивида в локальной культуре.

Понимание исламской идентичности конкретизировали и расширили представители мусульманского интеллектуального дискурса – Абдуллы ан-На’има [3], Талала Асада [4], Мухаммада Аркуна [5], Тарика Рамадана [6], Зияуддина Сардара [7] и других, подчеркивающих гибкость и историчность исламской идентичности. Так, Т. Асад понимает ислам, скорее, как дискурсивную традицию, разворачивающуюся в конкретном историко-политическом контексте, а не как раз и навсегда зафиксированный набор норм [4]. А. На’им подчеркивает такое качество исламской идентичности, как ее добровольный, и в силу этого, созидательный характер, не исключающий, а поддерживающий основы светскости государства. Напротив, по его мнению, все, что помещает веру в рамки, обязывает к ней, идеологически диктует формы ее проявления, не может служить развитию личности, свободной в своем выборе, популяризации социально ответственного поведения, реализации ее креативного начала [3, с. 1]. М. Аркун объясняет различия в понимании и проявлении исламской идентичности различиями в прочтении самой исламской традиции в каждый исторический период, переосмысление которой выступает важнейшей интеллектуальной задачей [5, с. 126] идея переосмысливания исламской идентичности в условиях европейского социокультурного контекста звучит в трудах Т. Рамадана, констатирующего универсальность исламской идентичности и ее жизнестойкость, совместимость с любым социокультурным контекстом. Его обоснование западной исламской идентичности объясняет целесообразность проблематизации, поиска и концептуализации различных моделей исламской идентичности [6]. Тему недопустимости политизации ислама в противовес внедрения в жизнь общества, скорее этических и аксиологических ориентиров этой религии, рассматривалась Михайловым Д. и Терновым Н. [8, с. 251-254] и другими зарубежными исследователями

В отечественном гуманитарном дискурсе тематика и содержание исследований исламской идентичности диктуются потребностями казахстанского общества, трансформационные процессы в котором интенсивны и стремительны по времени. Значимыми в этой связи выступают наработки Марлен Ларюэль [9], проанализировавшей механизм становления ислама в Казахстане (и в странах Центральной Азии) средством выражения этнокультурной идентичности и инструментом легитимации новых социальных порядков. Вопросы национальной

идентичности, в том числе исламской, в Казахстане проблематизируются также в трудах таких отечественных ученых, как М.К. Бектенова и Токтарбекова [10], К. Борбасова, А. Мukan [11], А.А. Айталы [12], З.К. Шаукенова и С.Т. Сейдуманов [13] и другие отечественные авторы.

Несмотря на приведенный обзор, существует необходимость в углублении систематических исследований онтологических и феноменологических аспектов исламской идентичности, особенно в казахстанском социокультурном контексте. Проблематизация субъективного переживания веры и смыслов исламской идентичности, в недостаточной степени осуществленная в отечественном религиоведческом дискурсе, предполагает более развернутую философскую рефлексию и исламоведческий анализ, в том числе в историко-культурном и геополитическом контекстах, а также контексте национальной и духовной безопасности.

Методология

Методологической основой настоящего исследования выступает совокупность таких междисциплинарных методов, как исламоведческая онтология и исламоведческая феноменология, а также герменевтика, религиоведческий анализ, исламоведческий анализ.

Специфика исламской идентичности в Казахстанском обществе: Центральноазиатский контекст

Понимание специфических особенностей исламской идентичности в казахстанском контексте необходим сопоставительный анализ исламской идентичности в Центральной Азии, частью которого выступает Казахстан. В странах Центральной Азии реактуализировалась проблематизация исламоведческих вопросов в связи с увеличением роли ислама в регионе, обусловленным распадом Советского Союза и общностью связанных с этим проблем. Периоды социальных трансформаций обостряют необходимость ревитализации идентичности. Наблюдаемые в различных частях региона рост внимания к религиозному образованию, к соблюдению поста в месяц Рамадан, к осуществлению благотворительной практики закят, а также появление риторики в пользу шари'a в Кыргызстане и Таджикистане несмотря на историческое отсутствие таковой в религиозном и политическом дискурсе региона, свидетельствуют о плюральности, гетерогенности вариантов исламской идентичности в мусульманской умме Центральной Азии.

Наследием постсоветского периода истории стран региона становится, с одной стороны, участие ислама в формировании национальных идентичностей Центральной Азии, переоценка значения местных сакральных локаций, возвращение в историю имен суфийских духовных лидеров, а с другой, имеет место мониторинг государственными органами коллективных религиозных практик в местах культа, ограничение представленности учреждений религиозного образования, отслеживание взаимодействий с представителями уммы из-за рубежа.

Историко-социологические исследования позволили определить ведущие черты исламской идентичности в Центральной Азии: синергетическое

существование исламской доктрины с традиционными верованиями и культурами местных этносов (тengризм, зороастризм); адаптивность религиозной практики к внешним культурным и политическим условиям; хабитуализация мистического ислама в форме суфизма; межпоколенческая передача исламских ценностей скорее в устной, нежели в письменной, форме. Общность социокультурных условий развития обуславливает сходства как хода формирования исламской идентичности, так и возникающих в данном процессе сложностей.

Конечно, религиозное возрождение носило различный характер в странах региона в начале XXI столетия: наблюдаемый в Кыргызстане рост популярности ежедневных и пятничных молитв в условиях Казахстана имеет меньший масштаб, несмотря на сходства в стертом характере религиозного возрождения в двух странах.

В Кыргызстане и Таджикистане имеет место идея поиска социальной справедливости в нормах шари'a, ассоциируемых с меньшей коррумпированностью власти, и большим участием государства в обеспечении безопасности и социальных услуг. Именно совместное советское прошлое сближает религиозную ситуацию стран региона и отличает ее от положения ислама в других странах, относящихся к Исламскому Миру.

Перечисленные процессы сопровождаются нивелированием социокультурного наследия советского периода истории в пользу демонстрации исламской идентичности, что нередко вызывает столкновения между секулярно настроенным государственным аппаратом и мусульманским сообществом [9, с. 4-7].

Последняя предполагает представление ислама как утопической альтернативы присутствующим в политической культуре этих стран коррупционным схемам, политическому и социально-экономическому несовершенству.

Еще одним, третьим типом выделяется «ислам гор и долин», отличающийся своей политизированностью, меньшей толерантностью и догматичностью; эти характеристики свойственны исламу, исповедуемому в Таджикистане, значительной части Кыргызстана и Ферганской долине.

Несмотря на советскую политику нивелирования традиции исламского знания, проводимую с различной степенью интенсивности в разных регионах Советского Союза, ислам выступал ведущей характеристикой самоидентификации в Центральной Азии. По меткому замечанию М.Б. Олкотт, исламское наследие предопределило идентификацию населения региона, несмотря на низкий общий уровень погруженности в доктринальные вопросы ислама [14, с. 21]. Ислам, иными словами, понимается здесь как идентичность для большинства населения региона, пусть и не обладающего экспертизой в теоретических вопросах религии. Исследователи региона отмечали в начале XXI века, что ислам ассоциируется у местного населения с этнокультурной традицией и является фактором, отличающим тюрков Центральной Азии от культурного Другого (в данном случае, от христиан) [15, с. 42]. Исследователи констатируют, что этническая, культурная, цивилизационная самоидентификация таджиков связана с исламом, так же, как и у туркменов ислам выступает ведущим фактором самоидентификации. Казахская социальная идентичность также обнаруживает связь с исламской традицией, что выражается в предпочтительности мусульманских имен и включении исламской религиозной практики в повседневную жизнь [16, с. 209].

Ислам, таким образом, воспринимается как ведущая составляющая социальной идентичности населения региона, ассоциируемая в той или иной степени с родным языком, этничностью, семейными узами и ценностями. Однако, само значение ислама как религиозной доктрины, а не как историко-культурной традиции, ожидает своего раскрытия в будущем, поскольку глубокое знание теоретических основ ислама не было свойственно населению региона, идентифицирующему себя как мусульмане.

Исламизация значительной части региона произошла благодаря суфийскому мистицизму, проявленному здесь знаменитыми орденами Накшбандийа, Ясавийа, Кубравийа. Скорее, анималистическая, нежели исламская природа суфийских практик, призванных посредством духовного очищения приблизить человека к Богу, была инспирирована аутентичными местными культурами, что свидетельствует об инкорпорации в Центрально-Азиатский ислам распространенных локальных практик.

Ввиду важного геостратегического положения и связанной с ним исламистской активности, государства Центральной Азии, по прогнозам политологов, выступят новой ареной конфликтов мировых интересов. Положение усугубляется отсутствием у населения региона доктринальных знаний; отдавая себе в этом отчет, правительства этих стран обратили свое пристальное внимание на формирование так называемого «официального ислама», руководимого муфтиями, чтобы предупредить исламизм [17, с. 392].

Онтологическое наполнение исламской идентичности: специфика и значение

Необходимость изучения онтологического смысла исламской идентичности диктуется наполнением самого онтологического поля ислама, детерминирующего тождественность индивида с сущностной природой этой религии. Именно сущность ислама определяет аксиологические ориентиры, ритуальные практики и место в мире носителей исламской идентичности. Онтологические основания исламской идентичности связаны с социокультурными условиями, историческим прошлым и коллективной памятью.

Как отмечают исследователи, исламская онтология, подобно другим религиозным онтологиям, обладает рядом общих черт:

- безапелляционный характер понимания истинного, касающегося видения Бога, человека, мира;
- этическая направленность онтологического наполнения в глобальном дуализме добра и зла;
- влиятельность исламской онтологии по сравнению с другими системами мысли в силу их встроенности в этнокультурный код и практис социума;
- синкретичность исламской онтологии, поскольку она вбирает в себя элементы других форм духовности: философии, искусства, морали;
- метафоричность, символичность, иносказательность доктринальных положений, в противовес их буквальному пониманию;
- абсолютность Бога, Его включенность во все проявления онтологических категорий [18, с. 97-98].

Принимая во внимание перечисленные особенности и не углубляясь в тему креационистских, детерминистских, атомистических вопросов и отличительных особенностей исламской онтологии, отметим их участие и влияние на процесс формирования исламской идентичности.

Современные процессы социокультурных трансформаций, среди которых, помимо прочих, выделяются процессы секуляризации, глобализации, модернизации, детерминируют изменения исламской идентичности, глубинные механизмы формирования и моделирования которой могут быть выявлены посредством онтологического подхода к исламской идентичности. Представление о неразрывной связи между Божественным и мирским, лежащее в основе исламской онтологии, является одним из ключевых элементов исламской идентичности. Носители последней в этой связи выступают наместниками Бога на земле – халифами. Мир представляется сотворенным и подчиненным Всевышнему Аллаху, как и все сущее. При этом важнейшей категорией исламской онтологии является таухид – единственность и единство Бога.

Онтологические представления ислама, опирающиеся на концепты таухида, абсолютности Бога, истинности Откровения и богоизбранности пророка Мухаммада, наряду с установленной посредством сунны (пророческой традиции) религиозной ритуальностью способствуют экзистенциальной и морально-этической устойчивости человека в мире, обрамляя бытийно-практическую парадигму всех сфер жизни.

К основным аспектам онтологического наполнения исламской идентичности относятся факторы ее формирования и дальнейшей устойчивости: вера в единственность Аллаха и Его всемогущество; личностное самосовершенствование – духовный джихад; понимание знания как способа достижения счастья; нравственность и мораль, выступающие регулятором социальной жизни и идеологической основой социальной справедливости; чувство принадлежности к институту уммы; спокойствие как внутри, так и снаружи, проявляемое в толерантном, уважительном взаимодействии с культурным Другим и созидательном поведении внутри конфессии; житейское, повседневное благополучие, достижимое самостоятельными усилиями каждого мусульманина, ответственного за свои действия [19, с. 154].

Благодатную основу для изучения онтологических представлений в исламской традиции является собой суфизм. Так, яркий представитель Накшбандийского тариката – Ахмад Касани – представляет человека как носителя сущи – человеческой и животной. Для первой свойственны такие проявления, как знание ('ильм), воля (ирада), способность или могущество (кудра), речь (калам), мудрость (хикма). Эта человеческая сущь (нафс-и инсан) понимается как середина между божественным или истинным (хакк) и мирским (дунийа), которая и является путем (тарика). На другом полюсе диалектического учения о сущи Касани располагает животную сущь (нафс-и хайуани), обслуживающую потребности в еде, сне, размножении, движении – потребности, которых люди также не лишены. Вопрос о доминирующей сущи человека разрешает доля участия разума, способного привести к пониманию истины, осознанное усилие и внимание, уделяемое человеком одному из образов жизни. Большая роль в этих рассуждениях отводится адабу как онтологическому проявлению человеческой

сущи и поведения, зафиксированному в виде нравственно-этического кодекса: в то время, как умеренность, благочестие и знание – составные адаба – наполняют человеческую сущь, леность и праздность способствуют преобладанию животных проявлений в человеке и соответствующего образа жизни [20, с. 5-7].

Феноменологические основания исламской идентичности

Помимо прагматической стороны исламской религии, регулируемой ее онтологическими основаниями, важной остается мировоззренческая сторона исламской ритуальности, диктуемая феноменологическим наполнением исламской идентичности. Такие понятия, как переживание религиозного опыта, исламское сознание, акт веры (иман), затрагивающие внутренние убеждения и эмоциональные проявления личности, составляют суть исламской феноменологии. Проявление святого в религиозном опыте и переживаниях религиозного находится в центре внимания феноменологии религии [21, с. 7]. В этой связи внешняя атрибутика и обрядность ислама – его столпы: молитва (саля), пост (саум), паломничество (хадж), благотворительный налог (закят), словесное оформление свидетельства исламской идентичности (шахада) – диктуются интернальным религиозным опытом, личностным переживанием веры в Божественное, рассматриваемых с позиций феноменологического подхода.

Исследовательский фокус на феноменологическом наполнении исламской идентичности предполагает смещение внимания со всего многообразия исторических форм феноменологии религии, включающих классическую (интерпретативную) феноменологию религии, неофеноменологию религии (проблемно-ориентированную феноменологию), на роль самих феноменологических концептов исламской религии в процессе формирования казахстанской модели исламской идентичности.

Важными категориями исламской феноменологии выступает опыт Откровения, зафиксированного в священном Писании, и его восприятие. Носители исламской идентичности, понимая Коран не столько как текст, сколько как прямую речь Бога – сакральную и живую, выносят Коран за рамки текста, религиозной ритуальности – в образ жизни и мысли. Об этом свидетельствует влияние ниспослания Писания как на расцвет интеллектуальной культуры Исламского Средневековья (считающегося Золотым веком ислама), выразившийся в бурных и плодотворных изысканиях по философии, богословию, литературе, астрономии, физике, математике и пр., так и на социальное поведение: была осуществлена правовая нормализация всего многообразия социального взаимодействия в соответствии ценностно-этическими ориентирами Священного Писания [22, с. 159].

Дуализм мирского и Божественного, практического и сакрального, свойственный авраамическим религиозным системам, детерминирует внешние (религиозная атрибутика, ритуальность) и внутренние (религиозное переживание, осмысление) проявления. Ортопрактический компонент, свойственный всем религиям и центрирующийся вокруг поведенческого аспекта ввиду определения образа жизни и социально-экономического уклада человека, общества и государства [23, с. 80], предполагает наличие у религиозного поведения содержания и выражения – смысловой стороны и формы. Касательно

ислама следует отметить, что любое ритуальное действие подкреплено обоими семантическими планами (содержанием и формой), закрепленными, в свою очередь, в Коране и Сунне пророка (корпусе хадисов). Так, например, рассмотрим важный в проявлении исламской идентичности акт очищения, имеющий физический и духовный смысл и нацеленный на контакт с трансцендентным. Принцип чистоты диктуется многими аятами Корана: «А если вы не чисты, то очищайтесь...» [24, 5:9], «Аллах любит обращающихся и любит очищающихся!» [24, 2:222] и др. Здесь предполагается соблюдение как чистоты тела, закрепленная в разнообразии понятий очищения (тахарат, гусл, ‘уду’), так и чистоты помыслов и мотивов поведения [25, с. 61].

Показательно в контексте феноменологического наполнения исламской идентичности значение, придаваемое переживанию связи с сакральным, в суфизме. Интеллектуальные интенции суфизма берут свое начало в глубоком осмыслиении морально-этических вопросов ислама. Собственно, своему зарождению суфизм обязан именно стремлению к духовной чистоте ислама, которую следовало «вернуть из забытья», вызванному попытками фальсификации хадисов, целью которой была легитимация вновь устанавливавшегося социально-политического порядка после смерти пророка и сокращения его непосредственных сподвижников. Можно сказать, что в некотором смысле первые суфии – захид (отшельник) или ‘абид (служитель Бога), стремились к секуляризации – разъединению веры и сферы государственного управления, отделению религии от политики. Идеализация образа жизни Мухаммада как первого носителя исламской идентичности стала отправным пунктом для поиска и соблюдения пути (тарика), по которому следовал пророк. Широкое многообразие суфийских духовных практик объясняет невозможность их строгой классификации. Однако некоторые концепции могут носить общий характер для всех направлений суфизма: практика поминания Аллаха (зухд), концепт чистоты, нашедший свое выражение в дуализме дозволенного и запретного (халал и харам) во всех сферах человеческой жизни, элемент мистического опыта [26, с. 13-17]. Касательно секулярных взглядов, которые не вступают в противоречие с исламом, интересно замечание ‘Азми, который, что ислам предполагает защиту справедливого общества, требующий а) гражданского участия, б) общества, а значит, социальной солидарности, и, наконец, в) справедливости, устанавливаемой демократическим светским государством. В качестве подтверждения своих умозаключений исследователь приводит пакт, заключенный пророком Мухаммадом с арабами-язычниками, арабами-иудеями и с евреями, населявшими Медину, против общего врага. Основанием послужила не столько этноконфессиональная идентичность, сколько принадлежность к одной социальной реальности – окрестностям Медины и управляемым в ней законам [27, с. 340-343].

Особенно глубокую теоретическую и философскую разработку получил в суфизме концепт совершенства (камаль), которым в абсолютной степени обладает Бог. Мусульмане – носители исламской идентичности – через призму данного концепта должны привести свой внутренний мир (батин) в соответствие со своими поступками, являющимися проявлениями мира внешнего, видимого (захир). Именно совершенство, понимаемое как соответствие между названными формами проявления человека и их детерминированность предписаниями

Аллаха нашло свое концептуальное выражение в суфизме через образ учителя – духовного наставника, надчеловеческой и надземной формой которого является Аллах [28, с. 65]. Концепт «чистоты сердца и рук», разработанный в реалиях суфизма и согласующийся с концептом совершенства, концентрировался на внутреннем переживании идеалов воздержания, довольства малым, умеренности, братства и социальной справедливости, которые получают феноменологическую обработку в суфизм через аскетизм и мистические практики [29, с. 4-7].

Разнообразие феноменологических интерпретаций: исламский радикализм

Если исламская идентичность, например, в Европе является средством выражения социальной напряженности маргинальных слоев населения, в основном, мигрантов, лишенных естественных условий для инкультурации, то в Казахстане исламизм и радикальные формы ислама приводят представители коренного населения. Общими чертами западных и казахстанских радикалов выступают низкий уровень социально-экономического благополучия, участие в криминальном, а также приверженность деструктивной религиозной идеологии, отсутствие доверия к правоохранительным органам, негативистские и нигилистические настроения молодежи [30, с. 70-71]. В этом контексте проблемы с идентичностью, социализацией и инкультурацией на фоне сегментации социума представляют собой начальную ступень радикализации исламского сознания, полагает Шмидт [31].

Интересно наличие в Казахстане и Центрально-Азиатском регионе специфической формы радикализма, отличающейся от мусульманского радикализма в западных странах, где, согласно Ж. Кепелю, экстремисты представлены мигрантами, а причины – экономическими сложностями социокультурной интеграции [32].

Несколько иной позиции придерживается О. Руа, в качестве причины религиозной радикализации усматривающий не столько межкультурные столкновения западной и исламской картин мира, сколько детерриоризацию и декультурацию, вызванные депривацией культурно-исторической принадлежности и идентичности и, как следствие, фундаментализацию религиозной идентичности [33].

Наряду с актуальностью подходов к исламской радикализации Ж. Кепеля и О. Руа для конкретных реалий Западно-европейских стран, модель, причины, акторы и условия радикализации исламской религии в Казахстане не вписываются в это видение [30, с. 70-71].

Для формирования и имплементации этических, интеллектуальных и духовных ценностей исламской религии критически необходимо дистанцироваться от политизации ислама. Этический код исламской доктрины предполагает хабитуализацию ценностей толерантности, терпимости, светскости в смысле разделения ветвей власти, обеспечивающих жизнеспособность ислама в концепции национальной культуры и безопасности [8, с. 251-254].

Заключение

Целью настоящего исследования было определение содержания и механизмов формирования исламской идентичности в контексте онтологических

оснований и феноменологических проявлений. Решение поставленных перед исследованием задач позволило сделать ряд выводов.

Во-первых, ретроспективный взгляд на взаимодействие исламской религии и государства в центрально-азиатских обществах позволяет констатировать как их непростой и неоднозначный характер, так и популярность диаметрально противоположных подходов в отношении религии в различных географических и хронологических границах.

Во-вторых, проблематизация онтологического контента исламской идентичности имеет потенциал философского осмыслиения практических вопросов проявления идентичности, с которыми человек встречается в своем повседневном взаимодействии с миром. Научное обоснование религиозных доктрин, как религиозная рефлексия над концептами научного рационализма, возможное в ходе разграничения различных онтологических категорий, способствует снятию напряжения в отношениях между важнейшими мировоззренческими системами – наукой и религией.

В-третьих, феноменологическое наполнение исламской идентичности, позволяющее увидеть ислам в его связи с индивидуальным переживанием веры, обусловливающим проявления ритуальности и формы социальной коммуникации, способствовало пониманию исламской идентичности не как статичной категории, а как динамичного процесса личностного становления, отражающего как интернальные переживания, так и поведенческие изменения в индивидууме и обществе в целом.

В-четвертых, изучение феноменологических оснований исламской идентичности имеет практическую значимость, поскольку феноменологическая интерпретация определяет, будут ли чувственно и эмоционально воспринятые доктрины иметь созидательный или разрушительный, радикальный характер.

Список литературы

- 1 Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 264 p.
- 2 Castells M. The power of identity. – Blackwell, 1997. – 538 p.
- 3 An-Na’im A.A. Islam and the secular state: Negotiating the future of shari’a. – Harvard University Press, 2008. – 324 p.
- 4 Asad T. The idea of an anthropology of Islam // University of Nebraska Press: Qui Parle. – 1986. – №17(2). – P. 1-30
- 5 Аркун М. Современный ислам: лицом к традиции // Введение в человековедение. – Бишкек, Душанбе, Алматы, 2023. – 338 с. – С. 115-142
- 6 Ramadan T. Western Muslims and the Future of Islam. – N.Y. : Oxford University Press, 2004. – 278 p.
- 7 Sardar Z. A Garden of Identities: Multiple Selves and other Futures, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: www.ziauddinsardar.com.29.08.2023 (дата обращения: 25.05.2025)
- 8 Михайлов Д.А., Тернов Н.М. «Светская религия»: ислам в казахстанском национальном строительстве // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 246-268
- 9 Laruelle M. Being Muslim in Central Asia. Practices, Politics and Identities. – Leiden & Boston MA: Brill, 2018. – 327 p.

10 Бектенова М., Токтарбекова Л. Исламская идентичность в контексте национальной культуры // Вестник КазНУ. Серия философии, культурологии и политологии. – 2019. – №68(2). – С. 129–136

11 Mukan A., Borbassova K., & Issaeva L. Традиционный ислам и его влияние на динамику интеграционных и дезинтеграционных процессов национальной идентичности общества // Eurasian Journal of Religious Studies. – 2023. – №35(3). – С. 48–58.

12 Айталы А.А. Традиционный казахский ислам и советский атеизм // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – №5. – С. 267-277

13 Шаукенова, З., Сейдуманов, С. К актуализации проблемы культурной идентичности // Казахстан-Спектр. – 2022. – №104(4). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-4.01> (дата обращения: 25.05.2025)

14 Olcott M.B. Islam and fundamentalism in independent Central Asia. In: Muslim Eurasia: Conflicting legacies, ed. J. Ro'I, Portland: F. Cass, 1995. – P. 21-39.

15 Gleason G. The Central Asian States: Discovering independence. – Boulder: Westview Press, 1997. – 240 p.

16 Olcott M.B. Kazakhstan: Unfulfilled promise. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Reace, 2002. – 322 p.

17 Gunn J.T. Shaping an Islamic Identity: Religion, Islamism, and the State in Central Asia // Sociology of Religion. – 2003. – №64:3. – P. 389-410.

18 Магомедов К.М., Саркарова Н.А. Онтологический дискурс в исламской теологии и религии // Исламоведение. – 2017. – Т. 8, №3. – С. 95-112

19 Турганбаева Ж.Ж., Сейтахметова Н.Л. Формирование исламской идентичности в казахстанском обществе: особенности, универсальность и диалогизм // Адам әлемі. – 2024. – №4 (102). – С. 152-160.

20 Papas A. No Sufism without Sufi Order: rethinking Tariqa and Adab with Ahmad Kasani Dahbidi (1461-1542) // Kyoto Bulletin of Islamic Area Studies. – 2008. – P. 4-22

21 Лесная О.Ю. Феноменология религии. Учебно-методические материалы для студентов 4 курса исторического факультета, обучающихся по специальности 1-210101 Теология. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2012. – 73 с.

22 Сейтахметова Н.Л., Турганбаева Ж.Ж. Феноменология исламской толерантности в постнормальные времена: опыт Казахстана // Адам әлемі. – 2023. – №3 (97). – С. 156-162

23 Самедов С.А. Миф об уникальности ислама // Обозреватель – Observer. – 2009. – №9. – С. 78-89

24 Коран / пер. и comment. И.Ю. Крачковского. – изд. 2. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – 727 с.

25 Гусенова Д.А. Сакральное в культовой практике ислама // Исламоведение. – 2016. – Т. 7, №2(28). – С. 60-72

26 Бертельс Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература / сост. М-Н.О. Османов. – М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1965. – 528 с.

27 Obiedat, A.Z. Identity Contradictions in Islamic Awakening: Harmonising Intellectual Spheres of Identity // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. – 2019. – №13(3). – P. 331-350.

28 Сейтахметова Н.Л. Философия исламского образования: история и современность. – Алматы, 2009. – 143 с.

29 Тримингэм Дж. Суфийские ордены в исламе / пер. с англ. А.А. Ставиской; под ред. и предисл. О.Ф. Акимушкина. – М.: «София», 2002. – 480 с.

30 Мухатаева Г. Траектория религиозной радикализации // Вестник КазНУ. Серия Религиоведение. – 2021. – №28(4). – С. 66-75.

31 Schmid A.R. Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: a Conceptual Discussion and Literature Review // ICCT Research Paper. – 2013. [Электронный ресурс].

Режим доступа: URL: <https://www.icct.nl/down-load/file/ICCT-Schmid> (дата обращения: 27.05.2025)

32 Kepel G. Terror in France: the Rise of Jihad in the West, Princeton University Press. – Princeton, 2017. – 240 p.

33 Roy O. Jihad and Death: The Global Appeal & Islamic State. London: Hurst and Company, 2017. – 136 p.

Transliteration

1 Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 264 p.

2 Castells M. The power of identity. – Blackwell, 1997. – 538 p.

3 An-Na'im A.A. Islam and the secular state: Negotiating the future of shari'a. – Harvard University Press, 2008. – 324 p.

4 Asad T. The idea of an anthropology of Islam // University of Nebraska Press: Qui Parle. – 1986. – №17(2). – P. 1-30

5 Arkun M. Sovremennyj islam: licom k tradiciji [Modern Islam: Facing Tradition]. // Vvedenie v chelovekovedenie [Introduction to Human Studies]. – Bishkek, Dushanbe, Almaty, 2023. – 338 s. – S. 115-142

6 Ramadan T. Western Muslims and the Future of Islam. – N.Y. : Oxford University Press, 2004. – 278 p.

7 Sardar Z. A Garden of Identities: Multiple Selves and other Futures, 2011. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: www.ziauddinsardar.com.25.05.2025 (data obrashcheniya: 25.05.2025)

8 Mihajlov D.A., Ternov N.M. «Svetskaja religija»: islam v kazahstanskom nacional'nom stroitel'stve [“Secular Religion”: Islam in Kazakhstan’s National Construction] // Politicheskaja nauka [Political Science]. – 2020. – № 4. – S. 246-268

9 Laruelle M. Being Muslim in Central Asia. Practices, Politics and Identities. – Leiden & Boston MA: Brill, 2018. – 327 p.

10 Bektenova M., Toktarbekova L. Islamskaja identichnost' v kontekste nacional'noj kul'tury [Islamic identity in the context of national culture] // Vestnik KazNU. Serija filosofii, kul'turologii i politologii [Bulletin of KazNU. Series of philosophy, cultural studies and political science]. – 2019. – №68(2). – S. 129–136

11 Mukan A., Borbassova K., & Issaeva L. Tradicionnyj islam i ego vlijanie na dinamiku integracionnyh i dezintegracionnyh processov nacional'noj identichnosti obshhestva [Traditional Islam and its influence on the dynamics of integration and disintegration processes of national identity of society] // Eurasian Journal of Religious Studies. – 2023. – №35(3). – S. 48–58.

12 Ajtaly A.A. Tradicionnyj kazahskij islam i sovetskij ateizm [Traditional Kazakh Islam and Soviet atheism] // Social'no-gumanitarnye znanija [Social and humanitarian knowledge]. – 2020. – №5. – C. 267-277

13 Shaukenova, Z., Sejdumanov, S. K aktualizacii problemy kul'turnoj identichnosti [Towards actualization of the problem of cultural identity] // Kazahstan-Spektr [Kazakhstan-Spectrum]. – 2022. – №104(4). [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-4.01> (data obrashcheniya: 25.05.2025)

14 Olcott M.B. Islam and fundamentalism in independent Central Asia. In: Muslim Eurasia: Conflicting legacies, ed. J. Ro'I, Portland: F. Cass, 1995. – P. 21-39.

15 Gleason G. The Central Asian States: Discovering independence. – Boulder: Westview Press, 1997. – 240 p.

16 Olcott M.B. Kazakhstan: Unfulfilled promise. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Reace, 2002. – 322 p.

17 Gunn J.T. Shaping an Islamic Identity: Religion, Islamism, and the State in Central Asia // *Sociology of Religion*. – 2003. – №64:3. – P. 389-410.

18 Magomedov K.M., Sarkarova N.A. Ontologicheskij diskurs v islamskoj teologii i religii [Ontological discourse in Islamic theology and religion] // *Islamovedenie* [Islamic studies]. – 2017. – V. 8, №3. – S. 95-112

19 Turganbayeva Zh.Zh., Seitakhmetova N.L. Formirovanie islamskoj identichnosti v kazahstanskom obshhestve: osobennosti, universal'nost' i dialogizm [Formation of Islamic identity in Kazakhstani society: features, universality and dialogism] // *Adam alemi* [The Human world]. – 2024. – №4 (102). – S. 152-160.

20 Papas A. No Sufism without Sufi Order: rethinking Tariqa and Adab with Ahmad Kasani Dahbidi (1461-1542) // *Kyoto Bulletin of Islamic Area Studies*. – 2008. – P. 4-22

21 Lesnaja O.Ju. Fenomenologija religii. Uchebno-metodicheskie materialy dlja studentov 4 kursa istoricheskogo fakul'teta, obuchajushhihsja po special'nosti 1-210101 Teologija [Phenomenology of religion. Educational and methodological materials for 4th-year students of the Faculty of History, studying in the specialty 1-210101 Theology]. – Vitebsk: VGU im. P.M. Masherova [Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov], 2012. – 73 s.

22 Seitakhmetova N.L., Turganbayeva Zh.Zh. Fenomenologija islamskoj tolerantnosti v postnormal'nye vremena: opyt Kazahstana [Phenomenology of Islamic Tolerance in Postnormal Times: Experience of Kazakhstan] // *Adam alemi* [The Human world]. – 2023. – №3 (97). – S. 156-162

23 Samedov S.A. Mif ob unikal'nosti islamu [The myth of the uniqueness of Islam] // *Obozrevatel'* – *Observer*. – 2009. – №9. – S. 78-89

24 Koran [The Quran] / per. i komment. I.Ju. Krachkovskogo. – izd. 2. – M.: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka» [trans. and comment. by I.Yu. Krachkovsky. – 2nd ed. – M.: Main Editorial Board of Eastern Literature, The Science Publishing House], 1986. – 727 s.

25 Gusenova D.A. Sakral'noe v kul'tovoj praktike islamu [The Sacred in the Cult Practice of Islam] // *Islamovedenie* [Islamic Studies]. – 2016. – V. 7, №2(28). – S. 60-72

26 Bertel's E.Je. Izbrannye trudy. Sufizm i sufijeskaja literatura [Selected Works. Sufism and Sufi Literature] / sost. M-N.O. Osmanov. – M.: «Nauka», Glavnaja redakcija vostochnoj literatury [compiled by M-N.O. Osmanov. - M.: “Nauka”, Main Editorial Board of Eastern Literature], 1965. – 528 s.

27 Obiedat, A.Z. Identity Contradictions in Islamic Awakening: Harmonising Intellectual Spheres of Identity // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. – 2019. – №13(3). – P. 331-350.

28 Seitakhmetova N.L. Filosofija islamskogo obrazovanija: istorija i sovremennost' [Philosophy of Islamic education: history and modernity]. – Almaty, 2009. – 143 s.

29 Trimingham Dzh. Sufijskie ordeny v islame [Trimingham J. Sufi Orders in Islam] / per. s angl. A.A. Staviskoj; pod red. i predisl. O.F. Akimushkina [translated from English by A.A. Staviskaya; edited and prefaced by O.F. Akimushkin]. – M.: «Sofija», 2002. – 480 s.

30 Muhatayeva G. Traektorija religioznoj radikalizacii [Trajectory of religious radicalization] // *Vestnik KazNU. Serija Religiovedenie* [Bulletin of KazNU. Religious Studies Series]. – 2021. – №28(4). – S. 66-75.

31 Schmid A.R. Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: a Conceptual Discussion and Literature Review // *ICCT Research Paper*. – 2013. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://www.icct.nl/down-load/file/ICCT-Schmid> (data obrashcheniya: 27.05.2025)

32 Kepel G. *Terror in France: the Rise of Jihad in the West*, Princeton University Press. – Princeton, 2017. – 240 p.

33 Roy O. *Jihad and Death: The Global Appeal & Islamic State*. London: Hurst and Company, 2017. – 136 p.

Турганбаева Ж.Ж., Пархатжан И.

Қазақстандағы исламдық сәйкестіктің онтологиялық және феноменологиялық негіздері

Аннотация. Макалада исламдық қазақстандық сәйкестіктің мазмұны, қалыптасу механизмдері мен ерекшеліктері оның онтологиялық негіздері мен феноменологиялық көріністері контекстінде ашылады. Исламдық сәйкестіктің онтологиялық мазмұнын зерттеу маңызды, ейткені бұл зерттеу имандылардың өз орнын дүниеде анықтауы мен ислам дүниетанымының аксиологиялық бағдарларын түсінуге мүмкіндік береді. Бұл бағдарлар мұсылмандардың рухани дамуының динамикасын айқындаиды. Ал исламдық сәйкестіктің феноменологиялық мазмұнына қызығушылық сенімнің жеке тәжірибе ретінде қабылдануын, оның ритуалдық және құнделікті мінез-құлықтағы сыртқы көріністерін зерделеу қажеттілігінен туындаиды. Авторлар келесі зерттеу міндеттерін бірізділікпен шешеді: Орталық Азия қоғамдарының тарихи-мәдени контексті арқылы Қазақстан қоғамындағы исламдық сәйкестіктің ерекшелігін анықтау; исламның болмыс негіздерін ашу арқылы исламдық сәйкестіктің онтологиялық мазмұнын талдау; исламдық сәйкестіктің феноменологиялық мазмұны мен оның Қазақстан қоғамындағы практикалық маңызын ашу; исламдық радикализмді феноменологиялық интерпретациялардың бір түрі ретінде қарастыру. Осыған байланысты авторлар исламдық сәйкестікті статикалық категория емес, тұлғаның ішкі күйзелістері мен мінез-құлықтық өзгерістерін, сондай-ақ қоғамдағы рухани үрдістерді бейнелейтін динамикалық құбылыс ретінде қарастырады.

Түйін сөздер: исламдық сәйкестік, Қазақстан қоғамы, онтологиялық негіздер, феноменологиялық негіздер, Қазақстандағы ислам, Орталық Азия.

Turganbayeva Zh., Parkhatzhan I.

Ontological and Phenomenological Foundations of Islamic Identity in Kazakhstan

Abstract. This article explores the content, mechanisms, and specific features of the formation of Islamic identity in Kazakhstan in the context of its ontological foundations and phenomenological manifestations. The importance of studying the ontological dimension of Islamic identity lies in the significance of how believers define their place in the world, as well as the axiological guidelines of the Islamic worldview, which shape the dynamics of Muslims' spiritual development. The interest in the phenomenological aspect of Islamic identity is driven by the need to understand and identify the features of individual experiences of faith, which determine external religious expressions such as ritual practices and everyday behavior.

The authors consistently address several research tasks, including: identifying the specificity of Islamic identity in Kazakhstani society through the lens of the historical and cultural context shaped by Central Asian societies; investigating the ontological dimension of Islamic identity by uncovering the existential foundations of Islam; analyzing the phenomenological content of Islamic identity and its practical significance in the life of Kazakhstani society; and examining Islamic radicalism as one of the forms of diverse phenomenological interpretations. In this regard, the authors conclude that Islamic identity is not a static category but rather a dynamic process of personal development, reflecting both internal experiences and behavioral transformations within the individual and society at large.

Keywords: Islamic identity, Kazakhstani society, ontological foundations, phenomenological foundations, Islam in Kazakhstan, Central Asia

Поступила: 26.06.2025

Принята: 01.09.2025